

УДК 81'01

**«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ЕГО АВТОР. НОВАЯ ВЕРСИЯ
(на основе более корректного прочтения некоторых участков текста)**

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЁВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики,
заслуженный работник высшей школы РФ,
член Союза российских писателей, e-mail: sharandin@list.ru

Обсуждаются данные о том, что «**Зачинь**» «Слова о полку Игореве» является на самом деле *интерлюдией*, отделяющей монолог **действительного Автора** этого произведения, прерванный слушателями, от монолога второго его Автора (точнее – вынужденного **соавтора**). Доказывается, что в качестве действительного Автора «Слова» представляется активный участник похода 1185 г. **боярин Лаврь**, обосновывается и тот факт, что смысл похода князя Игоря не связывается больше с какими-либо неприятными для половцев действиями: грабежом, стремление «поставить на место» и т. п. Цель Игорева похода – освобождение от хазарского и всякого иного господства и гнета важнейшего центра русской государственности **Тьмутаракани Азовской**. Утверждается, что это действие по договору с половецким ханом Канчаком Атраковичем (Кончаком Отроковичем) должно было проводиться двумя полками: русским и половецким. Однако половецкий военачальник предал русского полководца, хотя и сочувствовал ему и в дальнейшем помогал бежать из плена и остаться в живых. Устанавливается содержание некоторых выражений в «Слове о полку Игореве», до сих пор не понятых и не осмысленных, содержащих чрезвычайно важные сведения, без осмысления которых «Слово о полку Игореве» трудно понять, к их числу относится фраза «**А половецци неготовами (sic!) дорогами / побЪгоша къ Дону великому...**».

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; зачин; автор.

*

Прошло более 20 лет со времени выхода в свет выдающегося произведения XX в. – Энциклопедии «Слова о полку Игореве» [1], а смысл и цель героического похода Новгород-Северского князя Игоря Святославича (1151–1202) на Половецкую землю в 1185 г. по-прежнему не ясны. Они не ясны даже не потому, что недостает фактов, проливающих свет на очень важное для русской истории событие XII в. [2, с. 180-193], а потому, что это событие привычно и выгодно подчас излагать таким образом, как оно подавалось историками XX и XXI в. – прямо скажем, довольно примитивно и весьма искаженно. Так его, кажется, подавали и в упомянутой Энциклопедии, пренебрегая с большим трудом добытыми фактами – такими, например, как прочтение в «Слове» выражения «**а не по замышлению Бояню**» – без *не*, с соединительным, а не противительным смыслом союза *а* [1, т. 3, с. 311-318] или «**рекъ Боянь и Ходына**» – вместо «**рекъ Боянь и ходы на**».

Некоторые выражения в «Слове о полку Игореве» до сих пор не поняты и не осмыс-

лены, а в них – чрезвычайно важные сведения, без освещения которых «Слово о полку Игореве» лучше не читать. К числу таковых относится фраза «**А половецци неготовами (sic!) дорогами / побЪгоша къ Дону великому...**».

Над этой фразой А.С. Пушкин прямо-таки с ума сходил, представляя ее, однако, важнейшей в «Слове». Но рязанцу, автору настоящей статьи, диалектологу, путешественнику по Рязанскому краю, побывавшему, к примеру, на **Неговой Поляне** – на севере Рязани, недалеко от села Шумошь, и почитавшему в свое время работы археолога В.А. Городцова о **болотном (*неговом)** Огубском городище (тоже в рязанских местах), «**неготовае**» дороги «Слова» представлялись настоящей и четко. И были они – **неговые** (sic!), т. е. *мокрые, болотистые*. И половеццы в эти известные им дороги заманили богатыми трофеями «**храбрых русичей**», и последние вынуждены были эти трофеи под ноги бросать, чтобы не утонуть. К сожалению, это событие в Энциклопедии о «Слове о полку Игореве» не описывается, а без такого описания разговор о величайшем произ-

ведении русского народного творчества нельзя назвать достаточно полным, корректным и т. д. И вообще без знания, что такое *неговые дороги*, этот разговор вести абсолютно бесполезно!

Нет в упомянутой Энциклопедии и надежного упоминания **Автора «Слова»**. Его ищут среди древних русских писателей-книжников. А он был деятельным человеком, поэтом, участником похода 1185 г. Он – весь в тексте «Слова о полку Игореве». Его там нельзя не заметить, потому что иного человека, похожего на Автора «Слова», в дошедшем до нас тексте памятника просто нет.

Между тем, он – **боярин Лавр (Лаворь, Овлурь)**. Мы будем это доказывать и показывать каждым нашим последующим словом. И, конечно, нас удивляют и возмущают современные представления «Слова о полку Игореве» как фальсификации и произведения XVIII в.

*

Будучи половцем по отцовской линии, боярин **Лавр (Лаворь, Овлурь)** хорошо знал половецкий язык и (по некоторым причинам) был связным между князем Игорем Святославичем и ханом Кончаком Отроковичем во время половецкого плена. Сам Игорь Святославич, оскорбленный предательством Кончака Отроковича (!), ни в какие контакты с ханом не вступал [1; 2].

Лавр знал хорошо, конечно, и русский язык, еще не подвергнутый, кстати, креолизации древнеболгарской литературной речью, ставшей в X в. языком официальной православной церкви в Киеве и иных русских городах. Язык боярина Лавра, абсолютно русский, без налета поздних старославянизмов, в нетронутой седой своей древности, был открыт чудесным образом в наше время выдающимся советским ученым академиком С.П. Обнорским [3]. Но открытие ученого касалось в основном внешней стороны древнерусского языка (фонетики и морфологии), а лексика же оставалась в стороне, особенно та, которую до сих пор называют пережиточной, **языческой** и т. п., а она – подлинно христианская, только очень древняя, идущая от Первокрестителя нашей (гольтескифской) земли **апостола Андрея Первозванного**, роль которого по каким-то совершенно неяс-

ным причинам в наше время принижена. Все встанет на свое место, если внимательно вникнуть в замечательную речь Лавра, прерванную его неблагодарными слушателями; речь эта в самых важных своих моментах еще почти не осмыслена исследователями «Слова» [4].

Существует упорное мнение, что русский народ был приобщен к православному христианству только в X в. и что было сделано это по воле великого Киевского князя Владимира Святославича (умер в 1015 г.), утопившего в Днепре все свои якобы **языческие** древесные кумиры – во имя якобы новых, живых, подлинно православных, – ни в коем случае не скульптурных, прибывших из Болгарии, где по тому времени лишь совсем недавно они были милостиво разрешены, а до этого пребывали в запрете благодаря **иконоборчеству** – табу на православно-христианские иконы.

В Болгарии, кстати, иконоборчество упорно держалось дольше, чем где-либо. В Византии оно, просуществовав 125 лет, было отменено в 842 г. как нечто абсолютно абсурдное, вредное, ненавистное народом. В Болгарии это мрачное явление еще благоухало в конце X в. – вплоть до 988–990 гг., когда Киевский князь Владимир Святославич, посчитав православную **Троицкую** веру за языческую, открыл врата болгарским миссионерам и заменил свои древние (начала новой эры), подлинно православно-христианские скульптурные символы-образы болгарскими иконами. Вместе с новой православно-христианской верой была упразднена древняя славянская азбука, именовавшаяся «**глаголицей**» («глаголемая **литоца**»). Она была заменена новой славянской азбукой – **кириллицей**, в которой буквы не были божественными символами (**тайными иконами**), а обозначали только звуки и числа.

Великий Константин Философ (ок. 827–869), отбывая в 863 г. в Моравию на православную миссионерскую службу, нес с собою древнюю **глаголицу**, которую в Моравии иногда вспоминают и сейчас [5, с. 186], а на Руси (и в России) абсолютно забыли и проклинали...

Троицкое христианство, шедшее на Гольтескифскую землю трудами Апостола Андрея Первозванного и его сподвижников, в числе которых был даже человек с безус-

ловно славянским именем **Лихославъ** (Люкостлавость) [6, с. 21-22], несло с собою и самые древние славянские православно-христианские образы, а также упомянутую **азбуку-глаголицу**, которая сохранялась в архитектурных символах русского барокко – в частности, в святом **верхе (кровле)** любого православного Храма, по четырем краям которого находилось 4 купола, символизирующих Богородичный (буквенный) знак «**Мыслеть**» (он же – в имени **Масленица**); в центре же церковного верха был буквенно-купольный знак **Бога Сына** – словно на груди Матери Марии.

*

Своим продолжением разговора о боярине Лавре как об Авторе «Слова о полку Игореве» мы сделаем рассмотрение самого трудного вопроса – о жанре «Слова». Что это? Тянет ли «Слово» на большую **Поэзию** или оно – «презренная» рабочая проза? Скажем сразу: блестящую, захватывающую, по свидетельствам счастливых, диссертацию А.И. Никифорова о **поэтическом** характере «Слова о полку Игореве» нам прочитать не удалось: не было ее в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, не было на месте и в библиотеке Пушкинского дома. Мы познакомились с изложением этого ценнейшего произведения по скупым публикациям и по описанию дискуссии в упоминаемой Энциклопедии [1, т. 3, с. 315-318]. Но пройти все самому, обратившись непосредственно к «Слову», было и легче, и проще.

Любопытен, конечно, факт певческого исполнения «Слова» на защите А.И. Никифоровым его докторской диссертации в Ленинграде. Но полезнее всего – обратиться к ответу на вопрос о жанре великого «Слова о полку Игореве» непосредственно к Автору этого ценнейшего текста, к боярину Лавру: сам великий Лавр дал нам знать об этом четко и безупречно. И нечего было в наше время устраивать бесплодные дискуссии-балаганы с заранее *поданными* сверху выводами. Итак, мы даем слово самому гениальному **Лавру**...

*

...Вот, начиная «Слово», **Лавръ** мысленно обращается к великому русскому по-

эту по прозвищу «**Боянь**» (настоящее имя Бояна, или Баяна, – **Будимирь** [4, с. 23]... Так вот, Бояна-Будимира «прозаиком» на Руси никто никогда не называл. И нам дано право и возможность прослушать снова обращение к Бояну **Лавра**:

*«О Бояне, соловію старого времени!
Абы ты сіа пълкы уцекотоль еси,
скача, славію, по мыслену древу,
летая умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
черезъ поля на горы...»*

Какая мощная и красивая тропика! Она надежно создает поэтический текст, который остается таковым, несмотря на редкие сбои (смещения болгаризмов и русизмов). Эти сбои можно, впрочем, легко устранить, предпочтя что-либо одно другому, сославшись на возможные ошибки исполнителей текста и переписчиков. А можно и оставить все так, как есть. Поэзия-то ведь – состоялась! А дальше – смотрите: она развивается!

*Пѣти было бы пѣснь Игореви –
Того внуку:
«Не буря соколы занесе
черезъ поля широкая,
не галици стада бежать,
бежать къ Дону великому...»*

Она развивается – по законам древнерусской Поэзии, как правильно указал осмеянный и фактически уничтоженный А.И. Никифоров. Но указанные законы сохранялись еще недавно в народной крестьянской поэзии – в той же былине «О Вольге и Микуле» Рябинных. Ср.:

*«А и жил Святослав девяносто лет.
Жил Святослав да и переставился.
Оставалось ему да чадо милое –
Молодой Вольга да Святославович...»*

[4, с. 6-9].

Что можно добавить к этому, обратившись к материалам упомянутой дискуссии о «Слове» [1, т. 3, с. 317-318], – в то время как текст самого «Слова» еще в подобном плане абсолютно не исследован.

*

...Приобщившись к сонму великого Бояна и его соратников и последователей, Автор «Слова» **Лавр** у Бояна же ищет и модель начала своей безусловной **Песни**. И какие прекрасные образцы Бояновых «запевок» преподносит он своим слушателям. Но вот одна записка – интереснее всех остальных:

*«Комони ржуть за Сулою.
Звенить слава въ Киевѣ.
Трубы трубають въ Новѣградѣ...»*

Интересна эта записка – перечнем всех трех давних государственных центров Руси, с упоминанием (на первом месте!) **Тьмутаракани Азовской**. Имя «Тьмутаракань», правда, не подано: не корректно его было бы подавать, поскольку этот великий град был уже отвоеван у русских, кажется, хазарами вперемешку с половцами. Но мечта о возвращении Тьмутаракани Азовской в лоно русских городов не остывала в сердцах русских князей, а в сердце Игоря Святославича, внука «того», – т. е. великого Тьмутараканского князя (и, кстати, Черниговского) Олега Святославича, прозванного **Гориславичем** (умер в 1115 г.), – оно особенно ярко горело в сердце. Полагаем, что в распоряжении Игоря Святославича были (и свято хранились!) византийские документы на право им столонаследия в Тьмутараканском княжестве, а русские жители Тьмутаракани с нетерпением ждали своего освобождения от хазар, постоянно об этом русским князьям, потомкам Олега «**Гориславича**», напоминая.

В записке великого Бояна Тьмутаракань Азовская, может быть, еще упоминалась открыто, а может быть, уже подавалась описательно – как территория, где выращивались и паслись отличные **лошади-комони**, высокие и мощные, как нынешние танки, которые пригодились бы в будущих смертельных схватках, предсказываемых мудрыми и прозорливыми «кудесниками»...

Итак, в тексте «Слова», созданном великим поэтом Лавром, уже проглянула мысль о возможной **цели** похода князя Игоря в 1185 г. Мысль эта, кстати говоря, открыто гуляла в умах русских князей и простых людей. Она пугала. Князья в страхе просыпались ночью и днем, представив себе ужасы войны за освобождение «**Лошадиной**» столицы. Впро-

чем, их пугала не сама война, а оказия того, что они, великие и славные, останутся в стороне от ее успехов. Игоря-князя такие страхи не мучили: его ждали поддержка тьмутараканского населения, надежность византийских документов, и – главное: выступление вместе с его войском войска половецкого князя Кончака Отроковича, подкрепленное свадьбой сына Игоря – Владимира Игоревича с дочерью Кончака – Свободой Кончаковной.

Если пренебречь этой (великой!) целью князя Игоря, то на ум только и может придти узко национальная или вовсе – грабительская, абсолютно неразумная цель, которая откровенно, например, объявляется в либретто оперы А.П. Бородина «Князь Игорь»:

«И бранной славы пир веселый, мою победу над врагом, и бранной славы горестный конец...»

Теперь можно было бы давно переписать либретто оперы «Князь Игорь», в которой нынешняя публика любит только половецкие танцы, а ко всему остальному в опере абсолютно равнодушна, чувствуя фальшь представленного в опере образа князя Игоря.

*

Избранная Лавром в качестве начала его **Песни** о походе Игоря Боянова записка о трех великих городах Русской земли легко позволяет перенести актуальное действие в конец XII в., добавив к Тьмутараканской «Лошадиной» столице, а также Киеву и Великому Новгороду, еще один теперь уже героический град – **Путивль**: «*Стоять стязи въ Путивлѣ...*»

И далее:

*«Игорь ждет мила брата,
мила брата Буй-турь Всеволода.
И рече Буй-Турь Всеволодь...»*

Подождем пока слушать добрую, искреннюю, вдохновенную речь Всеволода Святославича (умер в 1196 г.), осмыслим, зачем он пожаловал в Путивль со своими воинами-кѣметями. Судя по всему, Игорь Святославич пригласил в свой знаменательный поход брата Всеволода Святославича Трубчевского на тот случай, если в походе объявятся военные трудности. Тут уж его брат-богатырь и его воины-кѣмети, все на

подбор **амбидекстры**, умеющие работать мечом, держа оружие и в правой руке, и в левой одновременно, абсолютно непобедимые богатыри, каждый стоит десятка врагов и более, пригодятся и будут на месте. Но мы подождем бросать их в бой. До него еще далеко, хотя он непременно будет, потому что брату Всеволоду обещан в случае удачной кампании град **Чернигов**, который пока что во власти двоюродных братьев Святославичей: Святослава Киевского и Ярослава Черниговского.

Вернемся чуть назад – к слову «**стязи**». Вот их, эти стяги, т. е. боевые знамена, уже выставили, приготовили к выносу (выходу) в поле... Все они поэтом Лавром в его тексте представлены... Но так, что не каждый поймет, особенно, если не захочет понять и поверить.

*

А нам – понять и поверить – придется. Для нас ведь и создана великим **Лавром** его **Песня**, до сих пор упорно называемая «**Словом**» и вообще отрицаемая как реальность XI в.

Все «**стяги**», стоящие в ожидании начала похода, суть **божественные образы**, древние (от **Андреевских времен**, – отсюда, кстати, и позднее выражение «*Андреевский флаг*»). Это, как мы сейчас расскажем, божественные (буквенные, глаголические!) символы Пресвятой Богородицы Марии и Её Покровителя **Святого Духа**, до сих пор, кстати, присущего в виде V-образного знака на многих, если не всех, Богородичных иконах.

Обратим внимание на реплику Автора «Слова» Лавра: «*О Руская Земле! Уже бо за Шеломенем еси!* Эта фраза толковалась так, будто кто-то, видимо, Автор «Слова», конечно, участник Похода, констатировал значительное продвижение Игоревы войска от града Путивля – с оставлением позади какой-то неназванной горы. Хоть бы назвали эту «*гору*»-то! А так ведь никакой информации! Ничего интересного! Что-то мало материала в поэтическом плане. Словно зря мы «обвиняли» боярина Лавра в поэтическом таланте? А вот, оказывается, не зря! Не зря, потому что речь в данном случае идет не о <*горе*> какой-то реальной, а о «**Горе**» – имени Богородичной иконы, помещенной на главном

Стяге, несомом самим боярином Лавром. До сих пор существуют православные образы Божьей Матери Марии с именем «**Гора**»: «*Красная гора*» (и праздник «*Красная горка*»), «*Тучная гора*», «*Несекомая гора*» [7] и др. Крик «*Горько!*», кстати, на свадьбах – тоже упоминание имени Богородицы Марии с Её представлением иконы «Гора»: гости ждут выноса «Горки» для благословения молодых – и тогда им разрешат выпить по рюмочке, примолвив слово «сладко».

В «Слове о полку Игореве» говорится о том, что боевой отряд, идущий на освобождение Тьмутаракани Азовской под стягом с иконой Божьей Матери Марии, именуемой «**Горою**» (= «*Холмом*» или диал. «*Шеломенем*»), вышел за пределы Русской земли. Теперь уже братания с половцами или (не дай Господи!) схватки – не избежать...

В «Слове о полку Игореве» встречается еще по крайней мере два упоминания Пресвятой Богородицы в иных именах ее святых образов.

Здесь особенно интересна и поныне глубоко-почитаемая чудотворная икона «**Прибавление ума**» – ей дети молятся, если учеба не дается. Но, конечно, – не только дети. Икона представляет конусообразное пространство, задрапированное под святую **Боянову Ель**. В самом верху конус срезан и обнажает чело находящейся внутри его пресвятой **Богородицы Марии** и чело Её Сына **Иисуса Христа**. Справа и слева Святой Бояновой Ели – по два Ангела, роль которых мало кому ясна. И эта неясность, усиленная нередким представлением Ангелов солнечными символами, заставляла слушателей «Слова» и их последующих читателей видеть вместо Ангелов, как говорится, *ни к селу ни к городу*, молодых ребят-княжичей, которых половцы якобы в первую очередь жаждали изловить, затмить, уничтожить и т. п.

Есть в «Слове полку Игореве» и еще одно упоминание *Богородичного образа*: «**Карна и Жья**». Это имя, будучи цитатой из молитвы: «*Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем...*» – может быть соотнесено и с каждым из двух уже упомянутых Богородичных образов, и с отдельным, еще не упомянутым. Важно только, что это не имена двух якобы языческих богинь, умудривших-

ся вдвоем нести один пылающий рог, у которого всего одна рукоять.

Прерывая разговор о Божественных образах на стягах, несомых воинами князя Игоря Святославича, упомянем еще только имя **Бога Святого Духа**. Он назван иносказательно, словом – «*Дивь*» <красивый, дивный>:

*«Дивь кличеть връху древа,
Велить послушати земли незнаемѢ...».*

«Врѣхъ древа» в приведенном фрагменте «Слова» – вовсе не значит «какое-то растущее дерево, на котором сидит «дикое существо» типа «Соловья-разбойника». Нет, это просто «древко, на котором крепится икона Святого Духа – покровителя воинов, идущих на правую Битву».

Главной такой «незнаемой», т. е. потерянной, недоступной землей, упоминаемой Святым Духом, оказывается Азовская Тьмутаракань с ее выдающейся, огромной, великолепной скульптурой («**Болваном**»), отражающей старое Троическое христианство, не подвергнутое болгарскому иконоборчеству. Игоря великий Див (нейтрально он именуется «**Велесом**») благословляет на подвиг. И вот наступает пора испытания князя Игоря – **солнечное затмение**: «*Сльньце ему тьмоу путь заступаше...*».

Русские люди к такому явлению относились более, чем осторожно: непременно откладывали походы и прочие движения. А если не откладывали, то обязательно погибали [8, с. 38-51]. Князь Игорь Святославич похода не отменил, не отложил – верный **рыцарской клятве**, данной Кончаку Отроковичу: идти двумя полками освобождать Азовскую Тьмутаракань. Кончак Отрокович поступил иначе: напуганный угрозами соседнего хана **Гзы** (= *Исайи*), он предал свата Игоря. Нарушил рыцарскую клятву! И навсегда вычеркнул себя из списка **героев Времени**. А Игорь Святославич себя подвигом, подлинным рыцарством, в звании героя Времени только укрепил. И лишь этот его подвиг может ставиться ему в заслугу и воспеваться. Все остальное – не стоит серьезных разговоров и опер – в духе великого композитора А.П. Бородина.

Кстати говоря, Кончака Отроковича не покидало чувство вины за содеянное предательство, за *иудин грех*, который, как сказано, не прощается, и его заслуга в удачном побеге

Игоря Святославича из половецкого плена неоспорима, как очевидна и его положительная роль в том, что Гза не пресек этого побега и не изловил беглеца Игоря вместе с его фактическим спасителем боярином Лавром, в трудную минуту не покинувшим в подлом страхе своего князя. Вот эти, и только эти, факты поднимают «Слово о полку Игореве» на уровень шедевров [9; 10], таких, как до сих пор безымянный «Тихий Дон» или обозначенный великим именем Сервантеса «Дон Кихот Ламанчский».

*

Как теперь уже совершенно ясно, блестящий **монолог** поэта Лавра был прерван его слушателями. Их раздражали (лучше сказать, наверное, пугали) архаический, очищенный от болгарского влияния, язык «Слова» и постоянное обращение Лавра к великому герою Времени апостолу **Андрею Первозванному**, а также к его достойному помощнику **Лихославу** – создателю первой славянской азбуки («**глаголицы**»). Им бы что-нибудь попроще, без иносказаний и тропики в духе Бояна. К тому же, все они обязаны были молиться в обильных в их время монастырях на Северной земле, а там обращение к древнесловенским православным образам было не вполне корректно и, видимо, исподволь пресекалось.

И вот создатель «Слова» остается один, без слушателей, еще не сказав, какими дорогами бежали половцы навстречу воинам князя Игоря, и зачем русичам нужно было бросать в воду отнятые у половцев богатства (пьяные что ли были или вовсе – дураки?). Оскорбленный, униженный поэт-боярин не знал, куда деться. И вот подошел князь **Владимир Ярославич Галицкий**, брат юной супруги Игоря **Ефросиньи Ярославны**, тоже поэт – школы Бояна, названный брат и последователь великого певца (ему пеняе Лавра, конечно, пришлось по душе), и – спас он боярина-поэта. У Владимира Ярославича Галицкого было поэтическое прозвище «**Ходына**». Он почитал себя последователем и братом (через года!) великого Бояна – отсюда и поговорка: «**Рекъ Боянь и Ходына, Святъславля пѣснь творца, старого времени Ярославля, Ольгова когагя хоти**».

В опере А.П. Бородина «Князь Игорь» Владимир Галицкий представлен низко: и алкоголик, мол, и развратник, в общем – фигура отрицательная! А он был – высокой фигурой, бесстрашной и надежной. Он был оставлен деверем для охраны юной его жены и терема в Путивле, и он с честью выполнил свой нелегкий долг. Об этом может быть особый разговор.

Пока же пойдет речь о том, как Владимир Ярославич спас певца Лавра. Положение становилось серьезным. Слушатели Лавра (предполагаем, что это были отпущенные из плена Кончаком воины Игоря, а также те люди, которые оставались во время Игорева похода в Путивле, и т. д.) стали разбегаться, расходиться, прятаться. Галицкий всех их находил, вытаскивал, усаживал на место и – начинал **свой** «монолог», убеждая, что и **прерванный** был вовсе не плох, что песни надо исторические петь и так, как их поют сейчас («по былинам сего времени»), и как их пели чуть раньше («по замышлению Бояню»). **Так** вам пели! Что ж взбунтовались-то? Ну-ка на место! И он исполнил свой великолепный «**Зачинь**», украсив его двумя вставными текстами: «**Сон Святослава Киевского**» и «**Плач Ярославны**»!

Продолжить «Слово» вместо Лавра он не мог, потому что не был в Игоревом походе, а Святослав Киевский был его любимым тестем, а уж Ярославна-то – и подавно, родною сестрой. Мы разберем эти прекрасные тексты в нашей особой статье, чуть позже, если нам еще даруется Время. А пока – послушаем Лавра. Он нам расскажет (споеет!), что случилась с русским военным отрядом, когда Игорь Святославич привел его к месту встречи, клятвенно оговоренному им с Кончаком Отроковичем...

*

...Конечно, никаких половцев у Дона Великого, куда пришли русские воины, не было. Не подошли еще. К вечеру стали подходить, пройдя благополучно болотными («неговыми») дорогами. И сразу же начали русских воинов провоцировать. Подходили вплотную и, словно псы или бешеные лисичи, бранились (не без мата, наверное) на **чурлёные** русские щиты. «**Чурлёные**» – значит «помеченные крестами («чурами»)».

А день был постный (пятничный), и богатства половцы несли великие, и девушек выставили необыкновенной красоты. Вот и бросились русичи на друзей, оказавшихся врагами, принимая богатые трофеи, а те – все дальше и глубже уходили, хорошо зная тайны **неговых** дорог. Конечно, Игоря Святославича «храбрые русичи» не спросились. А сам князь спрятанными под кольчугой документами рисковать не смел. И правильно сделал, потому что русские воины тонуть начали и великие трофеи под ноги бросали. Еле живы остались. Эти «славные брани» никто из исследователей «Слова» еще не описывал, загипнотизированный эпитетом «неготоваи», Очень даже «готоваи», только болотные, смертельные («неговые»!). Вот и Святослава Киевского, сына былинного *Чурилы Плёнковича*, в его сне по-своему «неговали» – жемчужом осыпали обильным. Об этом только что, совсем недавно, зять Святослава Киевского князь Владимир Галицкий пропел в своей интерлюдии... Ну, а о походе Игоря конкретно он ничего ни сказать, ни спеть не мог: не был он в этом походе. Тут нужно было обязательно боярину Лавру продолжить рассказ-пение, подавить обиду. И он это сделал...

*

Всякий герой Времени, безумный рыцарь Добра и Славы, немножечко смешон, или вовсе уж – не немножечко, как Дон Кихот Ламанчский. На этот счет иуда Кончак Отрокович постарался для свата своего Игоря Святославича – как мог и как не мог: «**бранной славы пир веселый**», начавшийся у болотных дорог, утром продолжился по всему фронту сражения. Половцы, объявившиеся со всех сторон Света Белого и чуть ли не из-под самой Тьмутаракани Азовской, окружили войско Игоря и, кстати, объявившихся откуда-то **кметей** Всеволода. И вот «**дети Бусовы**» **кликом** поля пригородили **и** (не **а!**) выставили впереди себя отмеченные крестами («чурами») **щиты**.

*

Оба эти действия могли быть знаками, идущими из глубины славянских и готских времен, когда клики «**Ура**» были в первую

очередь способами опознания в темноте или еще как-то русских воинов, а щиты, отмеченные крестами, и вовсе уж точно говорили, кто пришел незвано или звано на те или сии земли. Окружившие Игоря и его войско половцы и без того все знали, и они начали планомерно и спокойно уничтожать идущих освободить Тьмутаракань русичей. Половцам, оказывается, этот акт теперь уже был абсолютно противопоказан. И Кончак со своим военным отрядом был, получив, наверное, взыскание, уже в числе противников Игоря. Были ханы поглавнее и поважнее Кончака, и один из них носил имя «Гза» («Гзак»), в котором угадывалась внутренняя форма *Исайя – частого имени среди половецких **готов**. Вот так и проявили себя древние враги словен: вятичей и радимичей, одним из вождей которых был **Вятко (Вячеслав)**, прозванный именем «**Бус**» со значением <böze = злой>. *Готские девы*, упоминаемые автором «Слова» Лавром, радуются позору Игоря и воспевают уже отдаленное от них **Время Бусово**, которое словно возрождается вместе с победами над потомками древнего князя Вячеслава, которого сын короля Эрманариха Винитар заманил к себе в гости с сыновьями и слугами и убил всех подло и, как окажется, глупо...

Вот как говорит о готах Исайи певец Лавр:

«...Уже върже ся Дивъ на землю.
Се бо готскіе красныя дѣвы
въспѣша на брѣзѣ синему морю,
звоня рускымъ златомъ,
поють время Бусово,
лелѣють мечь Шароканю...»

Князь Игорь, может быть, еще надеялся, что минувшая вечерняя битва-забава с половцами была случайной, и теперь все должно проясниться. Но вот уже рубятся с половцами не в шутку, а всерьез кмети Всеволода. Вот уж и ранен Всеволод Святославич. И вот Игорь Святославич «плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода». Битва продолжается и день, и другой. И только на третий день к полудню пали святые стяги Игоря: и драгоценный образ Святого Духа, и Богородичные святые иконы, и всё иное, что несли воины на высоких древках и что Лавр не упомянул в «Песне», а может, и упомянул, да в перепевах частых было утеряно и забы-

то. **Песня** Лавра постепенно превращалась в **Слово**. И нужны огромные усилия верующих в прекрасную Песню, чтобы она возродилась. Наши усилия – только небольшая доля того, что предпринимается и будет предприниматься в дальнейшем ради возрождения гениального текста и всему, что еще будет создано.

*

Итак, обратимся к самому важному и самому «тёмному» фрагменту «Слова о полку Игореве» – в том виде, в каком оно до нас дошло:

**«Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбри русици преградиша чрълеными
щиты».**

Более искаженного, буквально изуродованного участка в дошедшем до нас текста «Слова», неоднократно исполнявшегося в древности в любом собрании людей, представить невозможно. Начнем с эпитета «**бѣсови**». Он отнесен к слову «**дѣти**» и явно адресован половцам; русичам дарован другой эпитет – «**храбрые**». Между тем, половцы были христианами, только арианского вероисповедования, **бесами** христиан было бы назвать некорректно. Да и не о «бесах» идет здесь речь, а о **бусах**, о **детях бусовых**. **Бусовым временем** поминали половцы далекие годы IV в., когда были они германским народом – **готами** и жили на правом берегу Днепра, управляемые королем Эрманарихом и его сыном принцем Винитаром. А по левому берегу Днепра обитало два «черных» словенских (антских) племени: **вятичи** и **радимици**. Будущие половцы называли их **бусами**, что значит «черные» и «злые».

Антского вождя Вячеслава (Вятко) вместе с его сыновьями и боярами готский король Винитар заманил к себе в гости якобы для примирения и, неся «почетно» в ладе, бросил всех в глубокую яму, забросав живыми землей и нечистотами. Позже половцы-готы, видимо, жалели об этом своем вероломстве, переживая гуннское нашествие и совместно с бусовыми воронами сражаясь с гуннами. Словенский клик «Ура» и кресты на щитах были, несомненно, опознавательными знаками **русичей** при встрече с **полов-**

цами, если эта встреча даже не была враждебной.

Князь Игорь Святославич, видимо, еще надеялся, что половцы явились на встречу с ним, чтобы вместе идти освобождать Тьмутаракань Азовскую, и лишь когда началась сеча половцев с братом Игоря Всеволодом, все стало ясно. Так что в самом начале неожиданной битвы Игорь-князь только *пригородил*, а не *прегородил* кликом «Ура!» пространство, ставшее частью поля битвы. И только когда всю уже кипела битва Всеволода с половецким войском, Игорь повернул свои полки, спасая мила брата Всеволода...

*

Наиболее важные имена и слова:

князь Игорь Святославич Новгород-Северский (1151–1202);

князь Всеволод Святославич Трубчевский и Курский (ум. в 1196);

князь Владимир Ярославич Галицкий, по прозвищу *Ходына* (1150–1198), поэт, ученик и последователь великого *Бояна*;

половецкий хан Канчак Атракович (*Кончак Отрокович*), в прошлом грузинский царевич;

певцы-поэты: Лавр (Лавор, Овлур), Боян (Будимир), Ходына (см. выше);

половецкий хан – Гзак (Исайя);

города: *Тьмутаракань Азовская, Киев, Великий Новгород*;

слова и фразы: «*Неговые дороги*», «*а по замышлению Бояню*», «*фрища в тропу Трояню...*», «*дѣти бусови кликомъ поля пригородиша*»;

имена (народные) выдающихся православных образов: «*Дивъ*», «*Карна и Жъля*», «*Хълмъ*» («*Шеломъ*»), «*Четыре Сълнца*».

Список литературы

1. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / гл. ред. Д.С. Лихачев: в 5 т. СПб., 1995.
2. Руделев В.Г. Смысл и цель Половецкого похода северского князя Игоря Святославича в 1185 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100). С. 180-193.
3. Обнорский С.П. «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка // Русский язык в школе. 1934. № 4. С. 9-18.
4. Сафонова О.В., Руделев В.Г. Названия животных как средство создания героического образа (к реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010.

5. Руделев В. Полет Золотой Стрекозы в саду Поэта (С памятью о Пражской весне). Избранные стихотворения и поэмы. Тамбов, 2015.
6. Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2001.
7. Снегирева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон... Ярославль, 2000.
8. Винокуров Б.З. К истории похода князя Игоря на половцев. О русской земле! // Культура речи и образование: сборник материалов регионального научно-методического семинара. Тамбов, 2007. С. 38-51.
9. Комлев А.П. «Слово о полку Игореве»: древнерусский текст и ритмическое переложение. Свердловск, 1985.
10. Колесов В.В. Ударение в Слове о полку Игореве // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. С. 23-76.

References

1. D.S. Likhachev (ed). *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"*: v 5 t. St. Petersburg, 1995. (In Russian).
2. Rudelev V.G. Smysl i tsel' Polovetskogo pokhoda severskogo knyazya Igorya Svyatoslavicha v 1185 g. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 8 (100), pp. 180-193. (In Russian).
3. Obnorskiy S.P. "Slovo o polku Igoreve" kak pamyatnik russkogo literaturnogo yazyka. *Russkiy yazyk v shkole – Russian language at school*, 1934, no. 4, pp. 9-18. (In Russian).
4. Safonova O.V., Rudelev V.G. *Nazvaniya zhiivotnykh kak sredstvo sozdaniya geroicheskogo obraza (k rekonstruktsii i germenevticheskoy obrabotke "Slova o polku Igoreve")*. Tambov, 2010. (In Russian).
5. Rudelev V. *Polet Zolotoy Strekozy v sadu Poeta (S pamyat'yu o Prazhskoy vesne). Izbrannye stikhotvoreniya i poemy*. Tambov, 2015. (In Russian).
6. Tolstoy M.V. *Rasskazy iz istorii russkoy tserkvi*. Moscow, Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 2001. (In Russian).
7. Snegireva S. *Zemnaya zhizn' Presvyatoy Bogoroditsy i opisaniye svyatykh chudotvornykh Ee ikon...* Yaroslavl, 2000. (In Russian).
8. Vinokurov B.Z. K istorii pokhoda knyazya Igorya na polovtsev. O russkaya zemle! *Sbornik materialov regional'nogo nauchno-metodicheskogo seminar "Kul'tura rechi i obrazovanie"*. Tambov, 2007, pp. 38-51. (In Russian).

9. Komlev A.P. *“Slovo o polku Igoreve”*: *drevnerusskiy tekst i ritmicheskoe perelozhenie*. Sverdlovsk, 1985. (In Russian).
10. Kolesov V.V. *Udarenie v Slove o polku Igoreve. Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Lenin-grad, 1976, pp. 23-76. (In Russian).

Поступила в редакцию 08.02.2016 г.
Received 8 February 2016

UDC 81'01

“THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN” AND ITS AUTHOR. NEW VERSION (basing on correct reading of some parts of the text)

Vladimir Georgievich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department, Honored Worker of Higher School of Russian Federation, Member of Russian Writers Union, e-mail: sharandin@list.ru

The data considering «Зачинъ» (beginning) of “The Tale of Igor’s Campaign” is interlude, diving the monologue of the real author of this work, interrupted by the listeners, from the monologue of its author (to be certain co-author of necessity) are discussed. It is proved that a real author of “The Tale of Igor’s Campaign” is a participant of campaign in 1185, boyar Лавръ (Laurus). The fact that the essence of Igor’s campaign was not connected with unpleasant for cumans actions: bust, “send about his business” and etc. is proved. The aim of Igor’s campaign is to free from Khazar and any other rule the most important centre of Russian nationhood Tmutarakan of Azov. It is stated that the action considering the agreement with Polovets chagan Kantchak Atrakovich (Kontchak Otrokovich) must be held by two ledges: Russian and Polovets. However, Polovets commander betrayed Russian commander even though he sympathized and helped him to escape from imprisonment and survive. The content of some expressions in “The Tale of Igor’s Campaign” are established still not understood, containing very important information without them it is hard to understand “The Tale of Igor’s Campaign”, for example the phrase «А половци неготовами (sic!) дорогами / побѣгоша къ Дону великому...».

Key words: “The Tale of Igor’s Campaign”; beginning, author.